

ЗУБЧЕНКО Л.А.
РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: СУЩНОСТЬ, ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ
И ПОСЛЕДСТВИЯ

Глобализация является важнейшей тенденцией развития современного мирового хозяйства. Процесс глобализации развивается на основе интернационализации, которая, как известно, проявлялась в расширении мировой торговли, интенсификации международных потоков капитала, развитии различных форм международного сотрудничества. В целом глобализация является продолжением процессов интернационализации, которые развиваются в мире с конца XIX столетия. В отличие от интернационализации глобализация означает не просто расширение и углубление связей между странами и усиление их экономической взаимозависимости, но и постепенное движение к формированию мирового хозяйства как единого целого. Этот процесс затрагивает все стороны хозяйственной жизни – сферу финансов, торговли, производства. В результате в условиях глобализации “экономические субъекты – производители и инвесторы – все чаще ведут себя так, будто мировая экономика представляет собой единую производственную зону и единый рынок с региональными или национальными подсекторами, а не сеть национальных экономик, связанных между собой торговыми и инвестиционными потоками” (1, с.28-29). Профессор Монреальского университета, представитель Канады при ОЭСР К.Валаскакис подчеркивает, что глобализация касается большинства видов человеческой деятельности, при этом речь идет не только о глобализации рынков, но и о глобализации производства, характеризующейся значительной транснациональной мобильностью факторов производства, используемых в производстве (34, с.7).

Одна из основ глобализации — процесс формирования международного производства, фундаментом которого является международное движение капитала в форме прямых инвестиций, темпы которого за последнее десятилетие значительно превышали темпы роста мирового ВВП и мировой торговли. Ежегодный текущий вывоз капитала возрос с 93,7 млрд. долл. в 1983-1988 гг. и 214 млрд. долл. в 1989-1993 гг. до 644 млрд. в 1998 г. и 827 млрд. в 1999 г. Годовые темпы его прироста составили в 1997 г. 29,4%, в 1998 г. – 38,7 и в 1999 г. – 25,3%. Накопленный объем прямых зарубежных инвестиций к концу XX в. превысил 4 трлн. долл. (2, с.7).

Главными субъектами международного движения капитала и основными движущими силами процесса глобализации являются ТНК, которые первыми используют ее результаты. По данным ООН, в 1995-1998 гг. общая численность ТНК возросла с 44 тыс. до 60 тыс., а их зарубежных филиалов – с 280 тыс. до 500 тыс. (7, с.20). Продажи зарубежных филиалов ТНК и других компаний, которые являются важнейшим показателем объема международного производства, превысили к концу века 11 трлн. долл., а их экспорт приблизился к 2,5 трлн. долл., что составляет около 1/3 объема мировой торговли. Если же к этому добавить торговлю в рамках ТНК и связанную с ТНК торговлю между независимыми компаниями, то получится примерно 2/3 объема мировой торговли (2, с.15).

Среди общей массы ТНК выделяется группа из 100 крупнейших, совокупные активы которых составили в 1997 г. 1800 млрд. долл., или 15% всех зарубежных активов ТНК. Крупнейшие ТНК представляют собой гигантские конгломераты, которые рассматривают мировое хозяйство как единое мировое пространство для своей деятельности. При этом их интересы далеко не всегда совпадают с интересами принимающих государств, а зачастую и противоречат им. Это обуславливает вполне обоснованную экономическую необходимость

проведения определенной политики в отношении привлечения и регулирования деятельности иностранных ТНК.

Основными факторами ускорения процесса глобализации являются современный технический прогресс и либерализация международного движения товаров, капиталов, услуг и технологий. Технический прогресс, который в наши дни проявляется прежде всего в развитии информационной и телекоммуникационной технологии, приводит к устойчивому и существенному снижению расходов на международные перевозки товаров и людей и международную связь, операционных издержек, что позволяет рационализировать международные операции. Так, стоимость трехминутного телефонного разговора между Лондоном и Нью-Йорком снизилась с 250 долл. в 1930 г. до пяти центов в настоящее время (35, с.182). Кроме того, технологический прогресс в обрабатывающей промышленности позволяет разделять производственные процессы на отдельные этапы и размещать их в разных странах наиболее оптимальным образом, что расширяет возможности международного разделения труда.

Наибольшую роль играют технологические факторы и новейшая информационная и телекоммуникационная технология в развитии финансовой сферы. Используя новые формы телекоммуникационных связей (через Интернет и другие спутниковые системы), банки и другие финансовые учреждения формируют телекоммуникационную компьютерную сеть, связывающую в единый комплекс отделения банков, расположенные в разных странах мира. Это дает им возможность осуществлять межстрановую переброску как своих капиталов, так и капиталов своих клиентов, добиваясь их более прибыльного размещения.

М.Клен связывает глобализацию (“мондиализацию”) с техническим прогрессом, развитием сети международного обмена в мировом масштабе, окончанием “холодной войны”, что привело к исчезновению биполярного мира. Глобализация способствует формированию “планетарной деревни”, в которой господствует первая мировая держава – США, на долю которых приходится 15% мировой торговли, половина мирового парка ЭВМ. Кроме того, 50% мировой торговли и 80% международных валютных сделок осуществляются в долларах (21, с.104). В “планетарной деревне” все шире используется английский язык и очень быстро распространяются американские потребительские модели и привычки. Эта тенденция к унификации культур способствует постепенному ослаблению национальных государств, которые, однако, представляют собой одну из основ современной демократии. “Государство – это душа народа, живущего на определенной территории” (21, с.104). Процессы глобализации подрывают это понятие в пользу организованных рынков, финансовых, промышленных или торговых групп. Эти группы все меньше опираются на государство, поскольку часто превосходят многие из них по своей экономической мощи. По имеющимся данным, в число 100 ведущих экономических субъектов мира входят 49 государств и 51 ТНК. На долю 200 самых крупных промышленно-финансовых групп мира приходится 30% объема мирового производства, а на долю 500 крупнейших ТНК – 70% мировой торговли (21, с.105).

“Планетарная деревня”, продолжает М.Клен, трансформировалась в крупный аквариум, в котором “крупные рыбы” пожирают мелких, а средние пытаются объединиться, чтобы не быть съеденными. Такие последствия глобализации, как либерализация движения капиталов, которая облегчает «финансовые игры спекулянтов» и способствует распространению “метастазов финансовой преступности”. В финансовой сфере обращается 3 трлн. долл., из которых 99% связаны с чисто спекулятивными операциями (21, с.106). Транснациональные преступные организации контролируют не только наркоторговлю (являющуюся основным источником их доходов), но и игорный бизнес, проституцию, торговлю оружием, произведениями искусства, драгоценными металлами и камнями. Организованная преступность искажает цели глобализации, создавая серьезную угрозу для демократии в “планетарной деревне” (21, с.110).

Чрезвычайно быстрое развитие глобализации связано с развитием информационной технологии и телекоммуникаций, а также с созданием информационных сетей Интернет, охватывающих всю планету. Эта сеть все чаще используется крупными предприятиями для налаживания связей со своими поставщиками. В настоящее время эта сфера бизнеса, называемая “business to business”, оценивается в США в 150 млрд. долл., а через пять лет может достичь 1500 млрд. (21, с.111). “Планетарная деревня” стала “деревней Интернета”, которую все больше населяют настоящие “наркоманы от информатики”, часто живущие в виртуальном мире и теряющие связь с реальностью. Информационная технология, развивающаяся на основе сети Интернет, увеличивая возможности человека, вместе с тем создает новый тип угроз, которую

некоторые специалисты называют “киберугрозами”. Последняя связано с информационным пиратством, распространением вирусов, способных вывести из строя целые сети.

Процессы либерализации охватили в последние десятилетия многие страны и сферы экономической деятельности, в том числе сферу международных экономических отношений. Политика либерализации, которая стала лейтмотивом экономической политики большинства стран мира (особенно развивающихся стран и стран с переходной экономикой), проявляется в широком спектре конкретных мер, затрагивающих все аспекты функционирования мирового хозяйства. Либерализация внешнеэкономических связей проявлялась в снижении тарифов и отмене других барьеров в области международной торговли, и в отмене препятствий, стоящих на пути международного движения капиталов. Многие страны стали разрабатывать меры по привлечению иностранных инвесторов и созданию благоприятного инвестиционного климата. В табл.1 представлены данные о численности изменений в национальных режимах для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 1991-1998 гг.

Таблица 1 (2, с.11).

**Изменения в национальных режимах прямых
иностраннных инвестиций**

	1991	1997	1998	1991- 1998
Число стран, вносивших изменения	35	76	60	
Численность изменений, в т. ч.:	82	151	145	895
— создание более благоприятных условий для ПИИ	80	135	136	843
— создание менее благоприятных условий для ПИИ	2	16	9	52

Будучи результатом либерализации, глобализация в то же время оказывает на нее все большее влияние, побуждая отдельные страны и международные организации принимать меры по дальнейшей либерализации режимов торговли, инвестиций и финансовых операций. Глобализация в различных сферах экономики развивается крайне неравномерно, что является источником различных конфликтов и противоречий. В наибольшей степени продвинулся процесс глобализации в финансовой сфере, которая, по словам Э.Фонтели, профессора Женевского и Мадридского университетов, выступает сегодня в качестве важнейшего фактора трансформации экономической системы и ее наиболее динамичного компонента. Глобальные финансовые и прежде всего валютные рынки продолжают быстро развиваться. Ежедневный объем валютных операций в мире превышает 1500 млрд. долл. (16, с.753).

Будучи многоплановым и весьма сложным процессом, глобализация неоднозначно воздействует на роль и функции национального государства, что отражается и в работах западных специалистов, анализирующих такое воздействие. Некоторые, наиболее типичные из их подходов представлены в следующем разделе.

**ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ И ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Большинство специалистов признают, что в целом глобализация ослабляет экономическую роль национального государства в той мере, в какой оно уже не может контролировать процессы, происходящие за пределами его границ, но оказывающие все большее влияние на развитие национальной экономики. По мнению группы французских специалистов под руководством А.Стердиньяка, разработавших прогноз развития мировой экономики до 2005 г., воздействие глобализации на национальную экономику весьма противоречиво: с одной стороны, она предъявляет повышенные требования к национальным системам социальной защиты, а с другой — ограничивает возможности государства удовлетворять эти требования. В результате глобализация может вызывать снижение реальной заработной платы (особенно неквалифицированных рабочих) и уровня экономической безопасности и ослабление систем социальной защиты. Подчеркивая, что в условиях глобализации результаты экономического развития страны во многом зависят от ее способности интегрироваться в мировую экономику, производить конкурентоспособную продукцию,

привлекать прямые иностранные инвестиции, кредиты и “кочующие” капиталы, авторы отмечают, что в то же время глобализация сопряжена с определенными опасностями, среди которых они выделяют следующие: усиливающееся давление на заработную плату и уровень занятости; нестабильность международного движения капиталов; колебания биржевых и валютных курсов; ослабление (раскол) национальной солидарности (25, с.123).

Тем не менее, заключают авторы, альтернативы для участия государств в процессах глобализации нет, если только они не хотят лишить свой народ выгод, связанных с техническим прогрессом и международным обменом (25, с.126).

Р.Стайкер, американский социолог, профессор университета штата Айова, рассматривая воздействие глобализации на государство благосостояния и пытаясь выявить, каким образом те или иные аспекты глобализации могут прямо или косвенно влиять на судьбу государства благосостояния, пришел к следующим выводам (31, с.9).

1. Глобализация может вести к усилению зависимости государства от капитала – не только от национального, но и от иностранного.

2. Финансовая и промышленная глобализации увеличивают риск оттока капитала из страны в тех случаях, когда представители бизнеса считают, что налоговая система и финансовая политика государства не обеспечивают ему достаточно высокие прибыли.

3. Финансовая глобализация подрывает возможности и эффективность национальной экономической политики. В то же время потерявшие былую силу профсоюзы сталкиваются с серьезными препятствиями, когда они пытаются организовать международные коллективные действия по поддержанию высоких социальных стандартов.

4. С конца Второй мировой войны и до 60-х годов в промышленно развитых странах (ПРС) существовала прямая зависимость между темпами экономического роста и уровнем занятости. Кейнсианская политика управления спросом способствовала быстрому накоплению капитала через систему перераспределения доходов. В настоящее время высокие прибыли и темпы экономического роста достигаются, прежде всего, за счет преимуществ транснационализации и зависят от состояния потребительских рынков и возможностей для вложения инвестиций за рубежом, что уменьшает заинтересованность капиталистов в проведении национальными правительствами кейнсианской политики стимулирования спроса.

5. Финансовая глобализация и быстрый рост международной торговли, в сочетании с изменившимися социально-экономическими и политическим условиями в ПРС способствовали появлению и быстрому распространению новой экономической концепции – неолиберализма. Ее сторонники полагают, что глобализация сужает возможности национальных властей в разработке и проведении экономической и социальной политики, и потому национальные правительства должны ограничить сферу своего вмешательства в экономику и нацелить макроэкономическую политику на решение таких проблем, как снижение барьеров на пути расширения международной торговли, создание условий для повышения конкурентоспособности национальных корпораций на мировом рынке путем снижения налогов, а также резкое сокращение государственных расходов, в первую очередь расходов на социальные программы (32, с.9).

По мнению Р.Страйкера, глобализация экономики прямо не воздействует на социальную политику в развитых демократических государствах и не предопределяет неизбежность расширения либо сокращения социальных программ. Воздействие глобализации проявляется, скорее, через усиление деятельности международных экономических и политических институтов, а также через формирование национальной и мировой идеологии, что, в конечном счете, и приводит к сокращению национальных социальных расходов и свертыванию социальных программ. Усиление экономической и политической мощи капитала, особенно в сфере финансов и в ориентированных на экспорт секторах экономики, а также ослабление экономической и политической мощи организованного рабочего движения – вот те реальные факторы, которые влияют на пересмотр концепции и практики государства благосостояния в развитых демократических государствах и на изменение социальной политики в развивающихся странах (РС) (32, с.48-49).

В.Наварро, профессор университета Джона Гопкинса (США), проанализировав различные направления неолиберальной политики, проводимой в ПРС с конца 70-х годов, пришел к выводу, что обострение социальных проблем в ПРС явилось следствием не глобализации экономики, а курса неолибералов на всемерное свертывание государства благосостояния. Как считает В.Наварро, либерализация финансовых и валютных рынков и переход к свободному обмену валют привели к созданию чрезвычайно нестабильного

экономического климата, при котором мощь спекулятивного капитала намного превосходит мощь любого государства. В этой ситуации правительство любой страны при выборе экономического курса стремится прежде всего к тому, чтобы финансовые рынки воспринимали его как “перспективное”, “заслуживающее доверия” и “приемлемое”. Главный признак подобной “респектабельности” – готовность проводить кредитно-денежную и валютную политику, устраивающую операторов финансовых рынков” (26, с.628). Чтобы обеспечить “доверие” финансовых рынков, правительство должно заявить о своей готовности удерживать процентные ставки на высоком уровне, а бюджетный дефицит и государственные расходы – непрерывно сокращать. Но высокие процентные ставки и нестабильность валютных рынков оказывают отрицательное воздействие на производство, ведут к снижению темпов экономического роста и увеличению безработицы. Особенно пагубно подобная ситуация сказывается на положении мелкого бизнеса, которому принадлежит ведущая роль в создании рабочих мест.

В последние годы многие ученые, политики и бизнесмены сходятся во мнении, что современный мир представляет собой единую глобальную экономику, в рамках которой товары и услуги перемещаются практически беспрепятственно. Они рассматривают глобализацию как новое, беспрецедентное явление, связывая с ней ослабление способности национальных властей влиять на экономические процессы, протекающие на территории, очерченной государственными границами.

По мнению В.Наварро, подобные рассуждения “страдают экономическим детерминизмом, а национальные правительства в этих рассуждениях предстают в роли “узников” международных экономических сил, которые диктуют этим правительствам, что им следует делать” (26, с.657). Политика национальных государств в настоящее время формируется в значительной мере под воздействием идеи об экономическом детерминизме и, хотя эта идея не пользуется популярностью в массах, она активно внедряется в сознание граждан практически во всех странах мира. Когда власти той или иной страны прибегают к использованию непопулярных мер, затрагивающих, например, такую сферу, как регулирование рынка труда, либо к принятию мер, ущемляющих социальные права граждан, в качестве доказательства их необходимости и неизбежности, как правило, выдвигается тезис об усилении международной конкуренции (26, с.657). Между тем, подчеркивает В.Наварро, “главной причиной роста безработицы, относительного снижения доходов большинства населения в странах ОЭСР, а также усиления социальной поляризации является не глобализация экономики, не новые технологии, не гибкий рынок труда и не чрезмерное расширение роли социального государства, а неправильная ориентация ПРС на неолиберальную концепцию” (26, с.668). По его мнению, по крайней мере в рамках ЕС, мечта неолибералов о том, чтобы государство полностью устранилось от выполнения функций по регулированию рынка, сбывается, и рынок здесь практически полностью управляется финансовым капиталом. Именно господством финансового капитала объясняется тот факт, что Европа в последние годы сталкивается с такими острейшими проблемами, как падение темпов экономического роста, массовая безработица, снижение жизненного тонуса (26, с.669). В.Наварро подчеркивает, что политика экономии на социальных расходах, проводимая в последние годы правительствами многих стран в условиях, когда наблюдается беспрецедентное углубление неравенства, может привести к мировому кризису такого же масштаба, как Великая депрессия 30-х годов (26, с.670).

Об этом пишет и К.Валаскакис, считающий, что до развития процессов глобализации действующие в национальных рамках механизмы социальной солидарности позволяли государствам перераспределять доходы в целях смягчения неравенства и предотвращения угрозы социального взрыва. С развертыванием процессов глобализации поле для подобных маневров государства значительно сузилось, поскольку политика в области перераспределения доходов может привести к снижению конкурентоспособности, так как способствует увеличению издержек на предприятиях. Все это обуславливает усиление тенденции к нивелированию социальных расходов по более низкому уровню и к увеличению разрыва между богатыми и бедными даже в таких развитых странах, как США, характеризующихся низким уровнем безработицы.

М.Вулф, ведущий экономический обозреватель английской газеты Financial Times, не согласен с тем, что глобализация подрывает способности правительств удовлетворять важнейшие потребности в таких областях, как налоговая политика, перераспределение доходов и макроэкономическая политика. В 1999 г. правительства стран —участниц ЕС перераспределяли в среднем 47% ВВП, в странах ОЭСР этот показатель приближается к 50%

(35, с.185). Мнение о том, что глобализация делает национальное государство “ненужным и неспособным”, опровергается рядом положений. Во-первых, возможность для страны использовать выгоды и преимущества международной экономической интеграции во многом зависит от качества таких общественных благ, как защита прав собственности, достаточное предоставление общественных услуг, безопасность граждан и наличие системы базового образования. Во-вторых, государство определяет коллективную идентичность граждан и чувство национальной безопасности. В-третьих, развитие международного регулирования может опираться только на согласованную политику отдельных государств (35, с.189-190).

Возражая сторонникам положения о постепенном “отмирании государства”, которое, по их мнению, в условиях глобализации превращается в чисто географическое понятие, французский исследователь Ж.-Ф.Дагюзен подчеркивает, что в наши дни государства обладают едва ли не большим набором инструментов, чем в прошлом. Эти инструменты используются в трех областях, имеющих особое значение для деятельности предприятий, в том числе ТНК. Во-первых, государства создают для предприятий определенные юридические, налоговые и нормативные условия, которые помогают предприятиям преодолевать трудности на внешних рынках. Во-вторых, государство играет роль посредника при заключении крупных внешнеэкономических сделок национальных компаний. В-третьих, государство часто играет важную и уникальную роль в разработке глобальной промышленной политики, в осуществлении экономической разведки (в пользу своих компаний), финансировании НИОКР и прогнозировании. Результаты этой деятельности активно используются крупными компаниями и ТНК (12, с.16-17).

Сегодня все больше специалистов предпочитают говорить не о снижении роли или ослаблении государства, а об изменении его функций. Так, французский специалист М.Рогальски, указывая на противоречивый характер глобализации, во многом развивающейся под воздействием неолиберальной политики государств, подчеркивает, что, вопреки заявлению неолибералов об ослаблении государств, на деле происходит не ослабление, а изменение функций государства, которое все чаще играет ведущую роль в адаптации национальных производственных систем к требованиям международной конкуренции (29, с.7). При этом М.Рогальски и другие сторонники подобной точки зрения ссылаются на опыт стран, сталкивающихся с перспективой неравной конкуренции с уже утвердившимися производителями как на внутреннем, так и на международном рынках, которые не могут обойтись без государственной политики, направленной на сдерживание экономической экспансии извне, поскольку глобализация может навсегда превратить эти страны в отсталую периферию мирового хозяйства. Очень важна роль государства, особенно в РС и странах с переходной экономикой, в модернизации и стабилизации национальной экономики. Как показывает опыт новых индустриальных стран (НИС) Юго-Восточной Азии, быстрое развитие некоторых отраслей их промышленности лишь частично объясняется притоком иностранных инвестиций в эти страны. На деле успех азиатских НИС был во многом обеспечен функционированием местного капитала, поддерживаемого государством, которое сыграло решающую роль в обеспечении экономического роста этих стран. Оно стимулировало инвестиции местных фирм в определенные отрасли промышленности (особенно высокотехнологичные) и защищало местный капитал от иностранной конкуренции с помощью субсидий, контроля над импортом и т.д.

Известный американский экономист, профессор экономики и менеджмента Массачусетского технологического института Л.Туроу связывает сохранение функций государства с недостатками капиталистической системы. Главным достоинством капитализма является, по мнению Л.Туроу, его способность стимулировать экономический рост: ни одна система не позволяет так тонко измерять объем потребительского спроса и так точно отлаживать производство в зависимости от предпочтений потребителей. В то же время капитализму присущи, по крайней мере, три серьезных недостатка: он порождает неизбежные рецессии экономики; сопровождается неизбежными финансовыми кризисами; не способен осуществлять долгосрочные инвестиции, в которых сам нуждается, в частности, в сферу образования, исследований и инфраструктуры. Именно поэтому в XXI в. государство будет концентрироваться на решении этих приоритетных задач (33, с.101).

Как подчеркивают П.Жак и Ф.Сашвальд, глобализация заставляет национальные комплексы конкурировать между собой в различных областях: экономической и бюджетно-налоговой политики, социальной защиты, систем образования и инноваций (19, с.608). Эта конкуренция приводит к формированию различных моделей (японской, американской и т.д.), а

также к необходимости гармонизации некоторых направлений политики, разработки и принятия “кодексов хорошего поведения”. Однако международные переговоры становятся все более сложными, поскольку в них все чаще вовлекаются, помимо обычных участников, и другие субъекты. Примером могут служить выступления представителей различных неправительственных организаций при обсуждении проблем глобализации во время конференции Всемирной торговой организации (ВТО) в ноябре 1999 г. Подобные протесты против глобализации связаны с ее отрицательным влиянием на уровень занятости и реальной зарплаты низкоквалифицированной рабочей силы. По имеющимся расчетам, внешняя торговля вызывает снижение реальной заработной платы неквалифицированных работников на 10-20%. В США иммиграция обуславливает 30-40% общего снижения реальной зарплаты неквалифицированной рабочей силы, а технический прогресс — 50% и более (19, с.609).

Практически все эксперты признают, что государству принадлежит определяющая роль в создании благоприятного инвестиционного климата в стране и в привлечении иностранных прямых инвестиций. Как подчеркивает Р.Кили, сотрудник университета Восточного Лондона, большая часть прямых зарубежных инвестиций в мире осуществляется не вопреки, а благодаря государству (20, с.101). Известный французский экономист М.Альбер также отмечает, что сегодня государства все больше конкурируют между собой за привлечение предприятий, инвестиций, технологии и компетенций (6, с.14).

Отдельные государства принимают меры по регулированию допуска и учреждения предприятий иностранных инвесторов, а также по ограничению собственности и контролю над деятельностью иностранных предприятий. Эти меры могут ограничить и даже запретить присутствие иностранного капитала в той или иной отрасли экономики принимающей страны. Однако чаще всего допуск иностранного капитала связан с соблюдением определенных требований и условий. Даже в странах с наиболее открытой экономикой сохраняются такие меры, как ограничение для иностранных инвесторов иметь право решающего голоса в местных акционерных компаниях, требования в отношении рекламы, предоставления отчетов и т.д. Эти меры могут сочетаться с относительно свободным допуском иностранного капитала в национальную экономику.

Таким образом, сегодня во многих странах государства проводят активную политику, направленную на регулирование внешнеэкономических связей, руководствуясь, прежде всего, задачами использования внешних факторов для обеспечения стабильности национальной экономики, выхода из кризиса и создания предпосылок для последующего роста на базе модернизации и структурной перестройки.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Национальные государства играют существенную роль в координации экономической политики на международном уровне и в разработке новых правил мировой торговли и инвестиций, направленных на уменьшение бедности и обеспечение во всем мире повышения уровня занятости и покупательной способности населения. Огромное значение при этом имеет участие государств и различных неправительственных организаций в глобализации общественной борьбы и объединении общественных движений во всех регионах мира.

Глобализация, пишет М.Клен, сегодня развивается в условиях анархии, что способствует возникновению крупных международных диспропорций, обострению неравенства и новых типов угроз. Усиливающаяся дезорганизация может быть остановлена только путем реализации проектов регулирования, способного поставить прочные и надежные преграды на пути разрушительных сил (21, с.114).

По мнению М.Деова, профессора Университета Париж XIII, некоторое ослабление роли государства в экономике сопровождается появлением новых форм экономического регулирования на международном, региональном или мировом уровне. Интенсификация международного обмена приводит к тому, что пространство, в рамках которого создаются и распределяются доходы, все меньше совпадает с пространством, где они потребляются (13, с.30). В результате снижается эффективность политики регулирования спроса, что в определенной мере компенсируется расширением финансовых трансфертов между государствами. Однако, поскольку в этом случае связи между спросом и предложением становятся не прямыми, а косвенными, это усиливает их нестабильность и непредсказуемость. Появление новых форм межгосударственного сотрудничества открывает возможности для формирования новых способов экономического регулирования, более адаптированных, чем

нынешние, к новым условиям производства и обмена, связанным с интернационализацией экономики и расширением рынков.

А.Бранде, профессор Университета Париж-Дофин, отвергая позиции ультралибералов, подчеркивает, что послевоенные успехи западных экономик были достигнуты благодаря не ультралиберальной (“хайсковской”) модели, а непрерывному согласованию интересов предприятий и ограничений, которые на них накладывает государство (11, с.42). Современная мировая экономика включает группу богатых стареющих стран и группу молодых, экономически гораздо менее развитых стран, между которыми формируется система банков и других финансовых учреждений, которые берут на себя кредитный риск. Возникающая в этой системе “цепь рисков”, распространяющаяся по всему миру, не подчиняется никаким правилам пруденциального регулирования и никакому контролю. В результате неожиданный разрыв в том или ином звене этой цепи приводит к распространению кризисных явлений по многим странам (именно это произошло во время финансового кризиса конца 90-х годов). В этих условиях, подчеркивает А.Бранде, перед мировым сообществом стоит задача постепенного создания такой международной финансовой системы, которая позволяла бы обеспечивать движение капиталов без риска ее крушения. Глобализацию не следует отвергать, заключает А.Бранде, но ее негативным последствиям следует противостоять более разумными методами, чем это предлагают “чистые и жесткие” либералы. Глобализация должна побуждать государство возможно быстрее освобождаться от всех сфер деятельности, которые могут взять на себя частные предприятия, чтобы сконцентрироваться на таких областях, как юстиция, полиция, здравоохранение, образование, социальная защита. Все это нужно для того, чтобы лучше обучать и защищать тех, кто подвергается все более жесткой международной конкуренции (11, с.43).

Ж.Пейрелевад, президент одного из крупнейших французских банков Credit lyonnais, критикует тех, кто по идеологическим или корпоративным соображениям смешивает либерализм как фактор экономического прогресса с полной свободой движения капиталов в рамках финансовой сферы. Подобное смешение таит в себе смертельную опасность (11, с.44). Сегодня, по его мнению, следовало бы установить контроль над финансовой системой.

Известный международный финансист Дж.Сорос в своей книге “Кризис мирового капитализма” критикует утверждение либеральных экономистов о том, что “если мы предоставим финансовые рынки самим себе, то они будут стремиться к естественному равновесию”. Напротив, “финансовые рынки склонны к эксцессам, и если быстрая смена подъема и спада деловой активности выходит за определенные границы, то равновесие уже никогда не вернется к прежнему уровню. Вместо маятникообразного движения в последнее время финансовые рынки действовали как брошенный камень, разрушая экономику одной страны за другой” (3, с.XIII). По мнению Дж.Сороса, экономические субъекты не могут самостоятельно поддерживать стабильность, а рынки не могут быть предоставлены сами себе. Задачу поддержания стабильности должны решать государства или политика. Исходя из этого, он предлагает дополнить рыночную дисциплину еще одним видом дисциплины — поддержанием стабильности на финансовых рынках, что должно быть официально провозглашено целью государственной политики (3, с.XIII).

Будучи сторонником открытых рынков, Дж. Сорос вместе с тем подчеркивает, что, “к сожалению, международные финансовые рынки нестабильны, ... поэтому какая-то форма контроля над капиталом, возможно, предпочтительнее нестабильности, даже если она не будет лучшей политикой в идеально устроенном мире” (3, с.210). Выход из создавшегося положения Дж.Сорос видит в “принятии универсально применимого кодекса поведения для мирового сообщества”, который, по его мнению, особенно необходим в сфере международных отношений. Эти отношения нельзя сводить только к межгосударственным, поскольку интересы государства не совпадают с интересами народа, что требует принятия универсально применимых правил отношений между государством и обществом, которые защищали бы права индивида (3, с.245).

Дж.Сорос признает, что за большую открытость рынков капитала приходится платить “политическую цену”, поскольку “в отсутствие мер по защите местных предприятий ТНК могут просто поглотить их”, а “страны могут лишиться контроля над собственной судьбой” (4, с.84). По его мнению, необходимы коллективные меры по поддержанию стабильности и обеспечению более равных условий для стран центра и периферии. В противном случае контроль над движением капитала будет осуществляться каждой страной в собственных интересах, что, в

конечном счете, может привести к “разрушению глобальной капиталистической системы” (4, с.84).

Критикуя концепцию Дж.Сороса, А.Лепаж, профессор Университета Париж-IX – Дофин, отмечает, что Дж.Сорос, во-первых, недооценивает способность частных рынков (в условиях свободной конкуренции и правового государства) принимать договорные решения, позволяющие контролировать риски нестабильности платежных систем так же успешно, как и государственные решения; во-вторых, переоценивает способность регулирующих органов обеспечить наибольшую стабильность рынков. По мнению А.Лепаж, нынешняя технико-финансовая революция способствует созданию более стабильной, чем сегодня, макроэкономической среды (23, с.402). Когда либерал защищает свободу рынка, продолжает А.Лепаж, он защищает не только рынок как таковой, но и правовой и политический порядок либеральной демократии и соответствующие ей ценности. Сводить неolibеральную мысль к идеологическому проекту исключительно экономического характера, как это делает Дж.Сорос, — полная бессмыслица. Дерегулирование (“меньше государства и меньше налогов”) желательно не только потому, что оно способствует повышению конкурентоспособности, но и потому, что оно является обязательным условием проведения в жизнь принципов субсидиарности и ограничения независимости суверенной власти (23, с.407).

Многие специалисты связывают необходимость регулирования мировой экономики с тем, что глобализация способствует усилению социального неравенства. Д.Лэндес, профессор Гарвардского университета (США), специалист в области экономической истории, в своей недавно вышедшей книге “Богатство и бедность наций”, проанализировав процесс экономического развития и расслоения стран с начала промышленной революции до наших дней, пришел к выводу, что экономическое неравенство стран является наиболее серьезной проблемой, угрожающей всей планете в предстоящие годы. Сегодня в наиболее богатой стране мира Швейцарии уровень жизни в 400 раз превышает уровень жизни в самой бедной стране Мозамбике. 200 лет тому назад соотношение между этими двумя полюсами составляло 5:1 (22, с.134). Если в 1960 г. доходы 20% самого богатого населения мира превышали доходы 20% самого бедного населения в 30 раз, то сегодня уже в 82 раза. Из 6 млрд. жителей Земли только 500 млн. живут в достатке, остальные 5,54 млрд. испытывают нужду (28, с.1).

Наиболее угрожающим явлением многие авторы считают то, что разрыв в уровне развития между странами Севера и Юга продолжает быстро расширяться. На долю 20% самых богатых стран приходится 86% мирового ВВП и 82% мирового экспорта; в них проживает 93% пользователей Интернета (14, с.58). За последнее десятилетие в 55 РС (в основном африканских) показатель душевого дохода снизился, в том числе, например, на Мадагаскаре на 50% по сравнению с 1970 г. По данным Всемирного банка, численность тех, кто живет на доход, составляющий менее 1 долл. в день, увеличилась с 1,2 млрд. человек в 1987 г. до 1,5 млрд. в настоящее время. Если нынешняя тенденция сохранится, их численность возрастет к 2015 г. до 1,9 млрд. человек (14, с.58).

Однако за этими средними данными скрывается еще более серьезный факт, заключающийся в том, что среди категории наиболее бедных стран также наблюдается раскол: некоторым из них удастся добиться немалых успехов и улучшить свое экономическое положение, тогда как другие продолжают оставаться в состоянии слаборазвитости. Пока ни одному экономисту, подчеркивает Т.Фабр, не удалось объяснить, почему одни страны попадают в “поток глобализации”, тогда как другие оказываются исключенными из этого процесса. Некоторые специалисты пытаются объяснить это тем, что некоторые РС обречены на слаборазвитость потому, что не способны вести независимые научные исследования. Об том писал, в частности, американский экономист Дж.Сакс, отмечавший не только концентрацию НИОКР в ПРС, но и то, что эти исследования в основном направлены на решение проблем самих ПРС (14, с.59).

Странам, оставшимся на обочине международного потока капиталов, не удалось преодолеть свою исторически сложившуюся специализацию на производстве и экспорте сырьевых продуктов. Это еще более усугубляет их положение, поскольку за последние 20 лет уровень цен на сырье относительно цен на промышленную продукцию снизился на 45%. Таким образом, положения старой теории об ухудшении условий торговли для развивающихся стран продолжают быть актуальными. В заключение Т.Фабр пишет, что и ПРС несут ответственность за состояние наименее развитых стран. Со времени окончания “холодной войны” оказываемая ими помощь развитию утратила для них геополитический интерес и потому значительно сократилась – с 61 млрд. долл. в 1988 г. до 48 млрд. в 1998 г. (14, с.60). Чтобы переломить эту

тенденцию, некоторые экономисты (например, Дж. Сакс) выступают за осуществление трансферта научно-технических знаний и технологии в наиболее бедные страны. В частности, предлагается создать международный государственный фонд, который стимулировал бы крупные фармацевтические и химические компании развивать НИОКР по проблемам, интересующим РС.

Необходимые позитивные результаты в борьбе с неравенством и бедностью могут быть достигнуты только с помощью реализации радикальных программ по структурной перестройке национальной экономики и созданию соответствующих институциональных условий с учетом местных условий и ресурсов. Немалую роль при этом должно сыграть и умелое использование внешнеэкономических факторов и позитивных аспектов глобализации. По словам Дж.Вулфенсона, председателя Всемирного банка, решение одной из самых насущных проблем современности — борьбы с бедностью — требует в каждой стране объединения усилий всех участников (партнеров) процесса социально-экономического развития. Такими партнерами, по его мнению, являются правительство, законодательные органы и гражданское общество, к которым должны присоединиться национальный и международный частный сектор, различные институты, предоставляющие финансовую помощь на двусторонней и многосторонней основе (36, с.132).

Глобализация экономики и обусловленное ею формирование рыночной экономики в масштабах всего мира, пишет немецкий специалист Р.Шарпинг, предоставили ПРС (прежде всего странам ЕС) огромные шансы, поскольку способствуют повышению роли права в международных отношениях, разработке многосторонних правил, созданию глобальных институтов управления и обеспечению свободной и честной конкуренции, мирного урегулирования экономических и социальных конфликтов, защите окружающей среды и росту уровня благосостояния. Однако глобализация создает не только новые возможности, но и определенные угрозы, связанные с растущим воздействием на ЕС последствий внешних конфликтов: динамичная конкуренция угрожает рабочим местам; экологическая опасность ухудшает качество жизни; международная преступность, террор и наркоторговля становятся реальностью; безудержный рост численности населения и нищеты увеличивает количество беженцев, ищущих защиту и средства существования в ЕС; распространение оружия массового уничтожения и экспорт вооружений угрожают безопасности Европы и Германии. Оградить себя от таких рисков не может самостоятельно ни одно европейское государство. Поэтому необходимо форсировать процесс интеграции ЕС, чтобы совместно защищать свои экономические интересы, общую экономическую мощь и влияние на процессы международного развития (30, с.28).

Поскольку финансовые рынки отличаются нестабильностью, считает Р.Наварро, очень трудно или даже практически невозможно координировать финансовую политику “большой семерки” или ЕС. Но тем не менее для борьбы с безработицей необходимы коллективные действия всех ПРС. Эти действия должны включать в себя координацию валютной политики с целью недопущения резких колебаний валютных курсов, создающих благоприятные условия для спекулятивного капитала; регулирование финансовых рынков. Это требует создания специальных институтов, однако попытки их создания наталкиваются на мощное сопротивление финансовых структур. Как подчеркивает Л.Туроу, именно из-за нежелания и неспособности политиков регулировать международные финансовые рынки, процентные ставки в ПРС держатся на очень высоком уровне, что является одной из причин массовой безработицы (26, с.629).

Хотя глобализация открывает национальные и государственные границы, создавая новые свободные пространства для людей и развития экономики, она не может сама по себе способствовать решению острых социально-экономических проблем без проведения соответствующей политики. Это, в свою очередь, требует разработки и принятия определенных правил игры и повышения дееспособности международных институтов (ООН, МВФ, ВТО, МБРР и др.), многие из которых нуждаются в реформировании. Кризисы последних лет, подобные азиатскому (1997-1998), показали необходимость эффективного управления международной финансовой системой. Это предполагает развитие конструктивного сотрудничества и партнерства между правительствами, экономическими субъектами и неправительственными организациями, в том числе и в разработке правил игры для инвестиций, услуг, конкуренции, защиты интеллектуальной собственности и т.д. Новый мировой порядок должен также включать расширение партнерства между богатым Севером и бедным Югом (17, с.105).

М.Чоссудовски, профессор экономики университета Оттавы (Канада), считает, что сегодня развитие мировой экономики регулируется “всемирным процессом взимания задолженности” (внешний долг только РС достиг 2 трлн. долл.), ослабляющим роль национальных государств и вызывающим сокращение занятости и замедление экономической активности. По мнению автора, во многих случаях это является следствием процесса реструктуризации экономики, который международные кредиторы (МВФ и ВБ) навязали развивающимся странам в качестве условия пересмотра схем выплаты внешней задолженности (9, с.33). Макроэкономические реформы, осуществляемые одновременно более чем в 100 странах, способствуют глобализации бедности, подрывающей основы человеческого существования и разрушающей гражданское общество (9, с.34).

“Глобальные” институты играют важную роль в процессе реструктуризации национальных экономик. Создание Всемирной торговой организации (ВТО) в 1995 г. знаменует веху в формировании глобальной экономической системы. ВТО регулирует мировую торговлю в интересах международных банков и ТНК, а также контролирует проведение национальной внешнеторговой политики (9, с.35). В результате возникло своеобразное «трехстороннее разделение власти», основанное на тесном сотрудничестве между МВФ, Всемирным банком и ВТО в сфере “наблюдения” за экономической политикой РС. МВФ предлагает один и тот же набор мер (включающий жесткую бюджетную политику, девальвацию, либерализацию торговли и приватизацию), который используется одновременно в более чем 100 государствах-должниках, теряющих экономический суверенитет и контроль над бюджетной и денежно-кредитной политикой.

Таким образом, общий итог экономической и финансовой глобализации, ее чистый эффект с точки зрения инвестиций, экономического роста, занятости и благосостояния во многих странах остается под вопросом. Одной из причин этого является то, что развитие процесса финансовой глобализации существенно опережает изменения международной институциональной структуры и системы регулирования. Существует множество конкретных предложений по совершенствованию этой структуры, некоторые из них могут стать основой для программы реформирования мировой финансовой системы. Однако, по мнению Э.Фонтелы, их продвижению препятствуют такие факторы, как сопротивление самого финансового сектора любому вмешательству; склонность правительств, обремененных задолженностью, рассматривать политику дерегулирования как средство облегчения доступа к финансовым ресурсам; отсутствие заинтересованности в совместных международных акциях в этой сфере со стороны США, в большей мере, чем другие страны, изолированных от последствий мировых финансовых кризисов; невозможность для ЕС занять лидирующие позиции в этой области из-за необходимости решения внутренних проблем (16).

Для МВФ и Всемирного банка следовало бы четко установить новые приоритеты. Они должны поощрять политику устойчивого роста, занятости и распределения доходов в развивающихся странах. В этой связи необходимо пересмотреть роль финансовых рынков, в первую очередь способствуя мерам по ограничению деформирующего движения краткосрочного капитала. Они должны также осуществлять постоянный мониторинг мировых финансовых рынков, чтобы выявлять источники потенциальных кризисов, и последовательно предлагать соответствующие корректирующие действия. В ответ на проблемы финансовой глобализации необходимо развивать международные меры в области финансового регулирования (прозрачность, контроль подозрительных операций, защита третьих сторон и т.д.).

Важнейшей задачей является также создание справедливой международной системы налогообложения финансовых операций. Налогообложению должны подвергаться те виды экономической деятельности, которые имеют негативные последствия для благосостояния общества. В качестве возможных мер Э.Фонтела предлагает введение прогрессивной шкалы налогов на финансовые активы (налог на капитал) и доходы от прироста финансового капитала; разработку единого мирового налога на финансовые операции, взимаемого при каждой продаже финансового актива в каждой стране; введение особого механизма налогообложения валютных операций (по типу предложений Дж.Тобина и ПРООН).

С чисто экономической точки зрения, полагает Э.Фонтела, свободное движение факторов производства в конечном счете может привести к оптимизации глобальной системы (16). Однако действие законов рынка, доведенное до крайних пределов, неизбежно свело бы к нулю роль национальных государств в качестве экономических агентов. В настоящее время сформировались идеальные условия для большей открытости и интеграции национальных

экономик. Политика противодействия этим тенденциям является, по мнению Э.Фонтелы, анахронизмом. Национальные государства должны пересмотреть свои функции и, действуя в интересах своих граждан, создавать институциональные системы, обеспечивающие рациональное функционирование рыночных механизмов как факторов максимизации богатства, искать решения мировых экономических проблем на основе сотрудничества.

О.Иероними, руководитель программы исследований международных отношений Женевского университета, считает, что в современной мировой экономике особенно опасным является противоречие между почти тотальной глобализацией финансовых рынков, с одной стороны, и концентрацией кредитно-денежной политики на решении узконациональных задач — с другой. В этих условиях встает вопрос о фундаментальном пересмотре принципов кредитно-денежной и финансовой политики и соответствующих институтов на национальном и международном уровнях. Необходимость нового подхода определяют следующие обстоятельства. Во-первых, догматический характер господствующей монетарной и финансовой теории и политики, в частности, слепая вера в неограниченную эффективность финансовых рынков, чрезмерное внимание к краткосрочным целям и факторам в ущерб другим экономическим и социальным параметрам, перенесение рыночного подхода на анализ всех экономических структур и проблем и т.п. Во-вторых, глубокие изменения, произошедшие в мире за последние 15 лет, в том числе крах коммунизма, европейская финансовая интеграция, снижение экономической роли государства и др. Прогресс компьютерной и коммуникационной технологии может иметь не меньшие последствия для кредитно-денежной системы, чем переход от металлических денег к бумажным. Многие аспекты этих изменений связаны с либеральной революцией в экономической теории, которая, будучи ответом на неэффективность систем жесткого бюрократического контроля, в настоящее время также требует нового анализа с учетом всех недостатков и негативных явлений, потребностей в эффективном управлении. Задача реформирования финансовой сферы, считает автор, состоит не в том, чтобы повернуть вспять либеральную революцию, а в том, чтобы консолидировать ее позитивные результаты с помощью более сбалансированного подхода к разделению функций между государственными органами и лидерами частного сектора, к рассмотрению внутренних и международных аспектов (18, с.780).

Основной вывод О.Иероними состоит в том, что без обсуждения имеющихся проблем и достижения консенсуса относительно нового сбалансированного подхода сохранится опасность потери преимуществ либерализации и глобализации, возврата к усиленному валютному и экономическому национализму и чрезмерному государственному вмешательству.

В последнее время на Западе все активнее обсуждается проблема организации так называемого «планетарного управления». Для анализа возможных способов такой организации К.Валаскакис рассматривает три сценария возможного развития (34).

Сценарий 1: “рынок решает все”. В условиях развивающейся глобализации управление национальными государствами переживает серьезный кризис. С одной стороны, частный сектор консолидируется благодаря заключению стратегических альянсов, слияниям, приобретениям и созданию картелей. Предприятия становятся все более крупными и сильными, они интернационализируются и превращаются в лиц без гражданства (апатридов). С другой стороны, государственный сектор продолжает ослабляться и фрагментироваться. Волна приватизации лишила правительства государственных компаний и многих инструментов промышленной политики. Кроме того, уменьшение бюджетов и социальных расходов диктуется международной конкуренцией и международными договорами (34, с.14).

В рассматриваемом сценарии попытки национальных правительств восстановить равновесие и навязать законы, отвечающие выбору их обществ и избирателей, обречены на провал. Это усиливает чувство гнева со стороны общества и избирателей в отношении своих правительств, независимо от их политической ориентации. Главными особенностями рассматриваемого сценария являются: форсированная приватизация, дерегулирование, урезание бюджетных расходов, отступление государства в пользу сил рынка, которые призваны разрешить все проблемы на основе взаимодействия между спросом и предложением. Это сценарий ультралиберализма, доведенного до крайности (34, с.20).

Сценарий 2: “к мировому управлению?”. Осознание опасностей, связанных с постоянным отступлением государства во всех областях экономической деятельности, заставляет правительства вести поиски форм коллективных действий и даже мирового регулирования. После Второй мировой войны в мире сложилась сеть межправительственных организаций (МПО), которые можно разделить на три категории.

1. Бреттонвудские институты – МВФ и Всемирный банк, созданные в 1944 г. с целью обеспечения беспрепятственного функционирования мировой экономики.

2. Многосторонние институты типа созданной в 1960 г. ОЭСР, которая видит цель своей деятельности в том, чтобы распространять западную либеральную идеологию, стимулировать экономический рост путем гармонизации правил конкуренции между странами-участницами и вести диалог с РС.

3. Организации, претендующие на универсализм, — ООН и связанные с ней учреждения. ООН могла бы претендовать на то, чтобы быть мировым квазиправительством, однако методы ее деятельности и финансирования, правила принятия решений и эффективность действий часто вызывают острые противоречия между странами-членами.

В целом нынешняя мозаика МПО носит хаотический характер и страдает от отсутствия управляющих принципов (34, с.21). В результате наблюдаются, с одной стороны, дублирование действий МПО и их вторжение в область чужих интересов, а с другой – серьезные лакуны и горящие проблемы, которыми никто не занимается. Еще одна слабость МПО заключается в различных правилах принятия ими решений: в одних случаях решения принимаются единогласно,

в других – большинством голосов (в этом случае участники МПО могут иметь равные голоса либо количество их голосов может зависеть от величины взноса и т.д.). Все это требует основательного пересмотра всей системы МПО или, по крайней мере, их внутренних структур.

Сценарий 3: “к региональному регулированию?” Между национальными государствами, нейтрализуемыми в ходе процесса глобализации, и введением планетарного регулирования существует промежуточная система регионального регулирования в рамках таких региональных объединений, как ЕС, МЕРКОСУР, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) и др. Цели всех этих объединений различны: одни из них преследуют чисто экономические цели либерализации торговли, другие в добавок к этому — политические и социальные цели. Эти промежуточные региональные объединения могут выступать как структурообразующие элементы нового мирового порядка, которые “могут ограничивать эффекты быстрой, неизбежной, чистой и жесткой глобализации” (34, с.22). Это способствовало бы поэтапной глобализации, когда суверенитет постепенно переходил бы от национальных государств к региональным организациям, которые затем вели бы переговоры о заключении межконтинентальных соглашений в масштабах всего мира. Переговоры с участием десятка региональных группировок могут быть более успешными, чем переговоры с участием почти 200 государств.

Сценарий регионального регулирования базируется на теории оптимальных торговых зон, которая, в свою очередь, инспирирована теорией оптимальных валютных зон. Последние определяются в экономической теории как географические пространства, достаточно однородные для того, чтобы обеспечить свободное движение факторов производства и особенно рабочей силы. При таком условии региональные диспропорции будут поглощаться благодаря перемещению работников из неблагополучных зон в зоны с высоким уровнем занятости. При отсутствии мобильности рабочей силы бедные регионы вынуждены будут использовать для повышения своей конкурентоспособности меры денежной и валютной политики, в частности, девальвацию своей валюты. Как показывает опыт ЕС, внешний общий тариф и нетарифные барьеры не ограждают Евросоюз от “мировых волн” — как благоприятных, так и разрушительных. Если ЕС удастся поддерживать равновесие между экономической и социальной сферами, проводя единую наднациональную политику, то Европа станет моделью регионального регулирования для других объединений. Если же нет, то рассматриваемый сценарий следует считать обреченным на неудачу.

В целом, считает К.Валаскакис, до развертывания процессов глобализации мировая система была структурирована вокруг суверенных национальных государств, которые вели диалог или воевали между собой. Сегодня государства вынуждены уходить с мировой сцены, уступая место частным и неправительственным субъектам. С этой точки зрения сценарий 1 представляется автору как наиболее вероятный. Однако это вовсе не значит, что он наиболее желательный и жизнеспособный. Глобализация подрывает демократические основы западного общества: лежащий в ее основе принцип “рынок решает все” является антидемократическим. Дело в том, что в условиях глобализации даже демократически избранные парламенты не могут противостоять тому, что принимаемые ими законы не соблюдаются крупными глобальными субъектами. За последние два десятилетия процессы глобализации способствовали

существенному сокращению функций государства в области социальной защиты под давлением императивов повышения конкурентоспособности (34, с.25).

Отказываясь от функций перераспределения доходов, государство не может также легко отказаться от функций арбитража и гаранта общественного порядка. Между тем рыночная система может функционировать только в рамках правового государства, в котором царит закон; при этом закон соблюдается, а нарушители наказываются, что исключает движение к формированию мафиозных структур. Система, в которой все решается на основе соотношения между спросом и предложением, нежизнеспособна, поскольку она требует хотя бы минимальных гарантий соблюдения прав частной собственности. Правовое государство требует внерыночного регулирования, чтобы лучше гарантировать функционирование рынка. Таким образом, глобализация требует создания мирового (или, по крайней мере, регионального) правового государства (34, с.26).

Представленные выше три сценария не исчерпывают возможные реакции на процессы глобализации. К.Валаскакис полагает вполне реальными, если не будут устранены противоречия, порождаемые глобализацией, следующие пять «патологических» сценариев (34, с.27).

1. *Возрождение национализма.* В условиях беспорядков и сумятицы, связанных с глобализацией, многие пытаются укрыться под сенью национальных государств. Этот сценарий может только усилить противоречия и еще более ограничить поле для маневров правительств.

2. *Возврат к тоталитарным режимам.* Провал либерализации в странах бывшего советского блока может привести к возврату тоталитарных систем правого или левого толка.

3. *Обострение классовой борьбы.* Разрыв между «включенными» и «исключенными» может достичь таких масштабов, что спровоцирует взрыв насилия в форме классовой борьбы.

4. *Подъем религиозного интегризма* (мусульманского, христианского и др.), связанного с оппозицией современному обществу потребления, символом которого являются Макдоналдс и Интернет, объединенные в одном термине McWorld. Реализация этого сценария может привести к развязыванию религиозных войн.

5. *Гражданские и международные войны.* Фрустрация (неудовлетворенность), обусловленная противоречиями глобализации, может спровоцировать войны – гражданские, этнические, между соседними странами и т.д. и даже мировую войну.

В заключение К.Валаскакис подчеркивает, что невозможно отказаться или аннулировать глобализацию с помощью декрета или указа, но можно попытаться управлять ее эффектами. Остается определить, какой путь приведет к более эффективному управлению: постепенное введение глобального (планетарного) управления или поэтапный региональный подход, который предполагает гармонизацию в рамках региональных объединений экономических и неэкономических аспектов развития, чтобы в максимально возможной степени повысить качество жизни всех жителей стран — членов группировки.

Глобализация экономики обусловила необходимость разработки концепции регулирования мировой экономики, которая учитывала бы происходящие изменения и положения традиционных теорий международной торговли, корпоративного управления и т.д. К.Милани, сотрудник ЮНЕСКО, преподаватель Института политических исследований (Париж), отмечает, что англосаксонский подход к проблемам политики регулирования мировой экономики характеризуется использованием положений теории корпоративного управления, которые распространяются и на деятельность международных организаций – МВФ, Всемирного банка и др. Американские политологи Д.Истон (D.Easton) и Р.Роуз (R.Rose), применяя к сфере политического регулирования системный подход и понятия, заимствованные из кибернетики, приходят к выводу, что политические решения должны приниматься на основе главного рыночного принципа — соотношения между спросом на такие решения и ресурсами, необходимыми для их реализации (24, с.17). К.Милани считает подобный функциональный подход к регулированию международных отношений неприемлемым, поскольку его сторонники не учитывают тот факт, что сегодня “государство уже не обладает абсолютной монополией на стимулирование производства общественных благ и на их определение” (24, с.17). При исследовании проблем международного регулирования следует учитывать появление и быстрый рост численности новых действующих лиц и новых форм коллективной мобилизации.

Среди новых действующих лиц К.Милани выделяет в первую очередь различные неправительственные организации (НПО), численность и роль которых в последние годы быстро растет. Анализ и учет их деятельности значительно обогащает содержание понятия “регулирование”, вводя в него “этические, демократические и универсальные ценности” (24,

с.18). На состоявшемся 25-30 января 2001 г. в Бразилии Мировом социальном форуме (Forum social mondial), созванном в противовес Мировому экономическому форуму в Давосе, участвовало 10 тыс. представителей 900 НПО (24, с.18). На форуме рассматривались наиболее острые вопросы развития современной мировой экономики, в том числе пути решения долговой проблемы РС, а также различные аспекты демократизации международных отношений.

*

*

*

Представленные в обзоре материалы позволяют заключить, что в условиях глобализации перед многими странами, в том числе и перед Россией, стоит задача повышения эффективности общего регулирующего воздействия государства на основе применения экономических и законодательных (а не только административных) методов. При этом государство должно руководствоваться, прежде всего, задачами обеспечения экономической стабильности и создания предпосылок для повышения конкурентоспособности национальной экономики и ее эффективного включения в систему мирохозяйственных связей. При разработке соответствующей стратегии следует использовать позитивные эффекты и сдерживать негативные последствия глобализации с помощью более сбалансированного подхода к разделению функций между государственными органами, международными организациями и лидерами частного бизнеса как на национальном, так и международном уровнях. Регулирование всего комплекса внешнеэкономических связей должно осуществляться таким образом, чтобы они служили фактором стабилизации и развития национальной экономики, а не проводниками негативных эффектов глобализации.

Список литературы

1. Глобализация и либерализация: Процесс развития в условиях двух мощных тенденций: Докл. Генер. секретаря ЮНКТАД на 9-й сессии Конф. – Нью-Йорк; Женева: ООН, 1996. – 266 с.
2. Доклад о мировых инвестициях 1999: Прямые иностранные инвестиции и проблема развития: Обзор / Конф. ООН по торговле и развитию. - Нью-Йорк; Женева: ООН, 1999. – VI, 92 с. – Библиогр.: с. 85-91.
3. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое о-во в опасности / Пер. с англ. Умрихиной С.К., Штернгарца М.З. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 261 с.
4. Сорос Дж. Новая глобальная финансовая архитектура // Вопр. экономики. – М., 2000. - № 11. – С. 56-84.
5. Admission et etablissement: CNUCED collection consacree aux problemes relatifs aux accords internationaux d'investissements. – N.Y.,; Geneve: N.U, 2000. – 68 p. – Bibliogr.: p. 57 – 63
6. Albert M. Le nouveau systeme-monde // Debat. – P., 1997. – № 97. – P.4-19.
7. Alcabas A.-M., Bourcieu E., Valersteinas B. Les nouvelles formes de l'IDE // Problemes econ. – P., 2000. – 12 avr. – № 2660. – P. 19–23.
8. Cartapanis A. Economie politique de l'architecture financiere internationale // Rev. econ. – P., 2001. – Vol 52, № 2. – P. 447- 463.
9. Chossudovski M. The globalisation of poverty: Impacts of IMF a. World bank reform. - L.: Atlantic; Highlands (N.J.): Zed books, 1997. – 280 p.
10. Clairmonte .F. La puissance des veritables maitres du monde: Ces firmes geantes qui se jouent des Etats // Monde diplomatique. – P., 1999. – A.46, № 549. – P. 19.
11. Crise: Le liberalisme est-il devenu fou? // Express. – P., 1998. – 29 oct. - № 2469. — P. 40-47.
12. Daguzan J.-F. L'Etat et l'entreprise face a la mondialisation // Problemes econ. – P., 1999. – 7 avr. – № 2611/2612. – P. 14-18.
13. Dehove M. La mondialisation // CFDT aujourd'hui. — P., 1997. — № 122. — P. 5-35.
14. Fabre T. Elus ou exclus: Comment la mondialisation coupe le monde en deux // Expansion. – P., 2000. – № 612. – P. 58-60.
15. Falk R., Strauss A. Toward global parliament // Foreign affairs. – N.Y., 2001. – Vol 80, N 1. – P. 212-218.
16. Fontela E. The era of finance // Futures. — Guildford, 1998. — Vol. 30, № 8. — P. 749-768.
17. Glos M. Die Option des Heraushaltens gibt es nicht mehr // Zur Zukunft der deutschen Aussenpolitik: Reden zur Aussenpolitik der Berliner Republik / Hrsg.: Kaiser K. – Bonn, 1998. – S. 65-75.
18. Hieronymi O. Agenda for a new monetary reform // Futures. — Guildford, 1998. — Vol. 30, № 8. — P. 769-781.
19. Jacquet P., Sachwald F. Mondialisation: La vraie rupture du XXe siecle // Politique etrangere. – P., 2000. – № 3/4. — P. 597 – 612.

20. Kiely R. Globalization, post-Fordism and the contemporary context of development // Intern. sociology. — L., 1998. — Vol.13, № 1. — P. 95-115.
21. Klen M. Less affres de la mondialisation // Defense nat. — P., 2000. — A.56, № 10. — P. 102-114.
22. Landes D. Il y a aussi des perdants de la mondialisation // Expansion. — P., 2000. — № 612. — P. 133-135.
23. Lepage H. Contre Soros // Politique intern. — P., 2000. — № 88. — P. 391-410.
24. Milani C. La gouvernance renouvelle l'espace public international // Problemes econ. — P., 2001. — 28 mars. — № 2706. — P. 17-19.
25. La mondialisation: Triomphe et perils: Une projection de l'economie mondiale a l'horizon 2005 // Rev.de l'OFCE. — P., 1998. — № 65. — P. 125-195.
26. Navarro V. Neoliberalism, "globalization", unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. j. of health services.— L., 1998. — Vol.28, № 4. — P. 607-682.
27. The Quality of Growth / The Intern. Bank for Reconstruction a. Development; The World Bank.- Oxford etc.: Oxford Univ. press, 2000. — 262 p. — Bibliogr. : p. 233 - 262.
28. Ramonet I. L'an 2000 // Monde diplomatique. — P., 1999. — A.46, № 549. — P. 1.
29. Rogalski M. Mondialisation: Présentation et remarques complementaires // Pensée. — P., 1997. — № 309. — P. 5-15.
30. Scharping R. Selbstbewusst und zuruckhaltend zugleich // Zur Zukunft der deutschen Aussenpolitik: Reden zur Aussenpolitik der Berliner Republik / Hrsg.: Kaiser K. — Bonn, 1998. — S. 21-38.
31. State of the World 2000 / A Worldwatch inst. rep. on progress toward a sustainable society. — N.Y.; L.: Norton & Co, 2001. — 385 p. — Библиогр. в конце отд. глав.
32. Stryker R. Globalization and welfare state // Intern. j. of sociology a. social policy. — Hull, 1998. — Vol. 18. — № 2/4. — P. 1-49.
33. Thurow L. Le capitalisme a-t-il avenir? // Politique intern. — P., 1998. — № 81. — P. 101-112.
34. Valaskakis K. Mondialisation et gouvernance // Futuribles. — P., 1998. — № 230. — P. 5-28.
35. Wolf M. Will the nation-state survive globalization? // Foreign affairs. — N.Y., 2001. — Vol. 80, № 1. — P. 178-190.
36. Wolfensohn J. Un nouveau partenariat pour le developpement // Jeune Afrique economie. — P., 1999. — № 277. — P. 130-133.